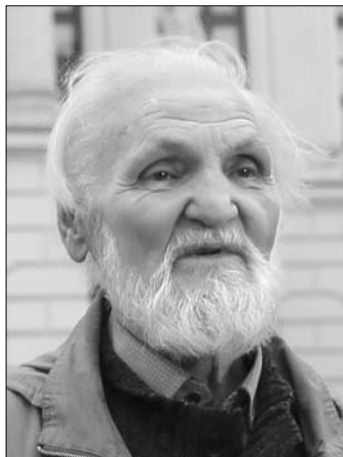

ВЛАДИМИР КРУПИН

СЕРДЦЕ В КОРЗИНЕ

РАССКАЗ

Никогда не слышал этой песни, а товарищ мой как-то к слову сказал, когда увидел красивую продавщицу цветов, как легко она наполнила ими корзину и унесла её.

— Унесла моё сердце в корзине, — засмеялся товарищ. — Не слышал такую песню?

— Нет.

— О, очень была популярна, женщины в альбомы записывали. Это годы примерно двадцатые-тридцатые. Может, раньше. “Как-то ранней весной лейтенант молодой взял корзину цветов в магазине. Взглядом, полным огня, он взглянул на меня и унёс моё сердце в корзине”. Это поёт цветочница Анюта.

Помню, по приезде домой, я спросил свою маму об этой песне. Она задумалась, потом сказала:

— Нет, не помню. Это, конечно, городская песня, у нас её не пели. Какая цветочница? У нас цветы у всех домов под окнами.

— Тут важно то, что один взгляд — и всё, вспыхнуло сердце Анюты. Так бывает?

— Это-то да. Бывает, да. — Мама подумала ещё. — На эту-то тему очень даже пели. “Помню, я ещё молодухкой была”. Иногда дома одна и пою.

— Так спой, пожалуйста.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа “Спасение погибших”, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

— Спеть? Ой, уж какой там теперь у меня голос. Хотя сердце просит иногда. Сижу одна, сижу, так иногда взгорится, и на ум песня приходит, и само как-то поётся. Попою немного, от сердца отлегает.

— Так спой про молодуюшку.

— Спеть? Хорошо, ради встречи. — Мама потихоньку запела: “Помню, я ещё молодой была: наша армия в поход куда-то шла. Вечерело, я стояла у ворот, а по улице всё конница идёт. Вдруг подъехал ко мне парень молодой: “Напои-ка меня, девица, водой”. Он напился, крепко руку мне пожал, наклонился и меня поцеловал. Долго-долго я смотрела ему вслед. Оглянувшись — помутился белый свет. Всю-то ночью мне спать было невмочь: раскрасавец барин снился мне всю ночь”. Да, снился. Длинная песня. Тут словами скажу. У неё жизнь прошла, она уже вдовушка, “пятерых уж дочек замуж отдала, к нам приехал на квартиру генерал, весь израненный, он жалобно стонал”. И она его узнала. “Та же удасть, тот же блеск в его глазах, только много седины в его висках”. — Мама перешла на пение: — “И опять-то я всю ночь не спала, и опять я молодёшенька была. Всю-то ночью мне спать было невмочь: раскрасавец барин снился мне всю ночь”. Да, всю жизнь его не забывала.

Мама даже как-то помолодела, улыбнулась.

— А у тебя был такой случай в жизни? С первого взгляда? — спросил я.

— Нет, не помню. Нас строго держали.

— А как с папой нашим?

— Так сосватали, вот и всё. Мама всегда: на парней не смотрите, к себе не подпускайте. Колно в клубе увидела, конечно, понравился. Но разве могла думать. У меня четыре класса, колхозница, а он приехал, лесничий, одет по-городскому. Нет, я и не подумала даже. А ему, видно, запало, он вскоре с отцом своим к нам явился. Сваты. Я даже и не вышла к ним. Они ушли, меня родители зовут. “Ты давно его знаешь? — Видела раз в клубе. — Он тебе нравится? — А я молчу, только концы платка тискаю. — Нравится он тебе? — Я снова молчу. — Сватают тебя за него. Смотри, ты ведь не ровня ему: лесничий. Это ведь по-ранешнему Ваше благородие”. — Тут я разревелась, из дому выскочила и побежала к реке, почему-то к месту, где мы на Троицу венки плели и по воде пускали, загадывали. Умываюсь от слёз и опомнилась: я же даже и имени его не знаю. Вот такая любовь. — Мама поглядела на меня. — Ты-то весь в него. Ну что, сошлись с ним, стали жить, худо-бедно пятьдесят три года прожили.

— А я помню, папа про это рассказывал, что он сказал отцу: мне девушка очень понравилась, Варя Смьшляева, но не знаю, как подойти. А отец, дедушка мой Яков Иванович, решительный был, говорит: надо познакомиться. Взяли в лавке хорошего вина, пошли. И хотя он не видел тебя, мама, сказал, когда вышли после разговора: сынок, видно, что корень чистый, трудовой, люди аккуратные, надо свататься. Он же видел и двор, и дом.

— Так с чего нам неаккуратными быть: пять сестёр. Одна с мамой корову, овец, кур, телёнка обряжает, другая у печки, одна пол моет, одна стирает, ещё одна на огороде. Мы были такие: в маму и тятю, работа радостью была. А как меня Коля выделил, заметил, я этого не знаю. Теперь уж не спросишь.

— Удивительно. Просто увидел, и всё. А как это объяснить?

— Этого я не понимаю. Но вот про одного мужчину расскажу. Тут не с моей, а с его стороны было чувство. Парень наш, деревенский. Вот про него точно скажу, он меня крепко любил. Говорил: с первого взгляда полюбил. Я с ним и не общалась. Он подстерегал, объяснялся, умолял. Говорил: “Я как увидел — и всё”. Но я-то уже замужем. Какие тут объяснения? Вообще-то сильно его занозило. Но к чему это приведёт? И я его однажды крепко отрапортовала. “Девчонка-то сколько молодых, а ты к замужней пристал. Я мужняя жена!”. И как отрезала. Мне двадцать лет было.

— И что?

— Обещал больше не подходить. Слово сдержал. А Коля как раз получил назначение на новое место. Потом стороной узнала, что этот Андрей тоже женился. Я успокоилась. — Мама что-то переставила на столе. — И увидела его

лет через тридцать, даже больше. Он по Вятке капитаном буксира ходил. Я стояла на берегу у переправы. Вдруг он. Бежит: “Варя, Варя!” — Мама засмеялась: — “Та же удаль, тот же блеск в его глазах”. Уговорил на буксир взойти. “Мы, — говорит, — сейчас вверх пойдём, тебя и довезём”. Согласилась. Уж очень было заметно, как он нервничает. У штурвала стоит и курит, курит. Чего-то сказать хочет. А чего говорить? Ну, добрались, причалили. Провожает. Выходим на дебаркадер. Говорю: “Чем же отблагодарить? Может, возьмёшь хоть сколько-нибудь платы на конфеты детям?” Говорит: “У меня уже и внуки”. Да-а, крепко руку мне пожал, — улыбнулась мама. — И как выдохнул: “Какая плата, Варя, ты что! Да я бы тебя всю эту дорогу на руках бы пронёс!” И ещё — и глядит в глаза: “Ты такая же, как была! Ты ещё лучше стала. Дня у меня не было, чтоб тебя не вспоминал!”

— Наклонился и тебя поцеловал? — очень неудачно пошутил я.

— Какой там, ты что. Развернулся и убежал.

— Извини. Так как он первый-то раз тебя увидел?

— Мы за грибами ходили, попали на белые боровики, набрали помногу. И нас колхозный шофёр подобрал. Едем, я радуюсь. Думаю: сейчас побольше грибов нажарю, Коля с работы придёт, рад будет. Тяте и маме отнесу. Шофёр довёз до деревни. Тормознул у поворота. А там как раз этот Андрей почему-то и стоял. У меня корзина тяжёлая, боюсь уронить. И на него поглядела, то есть вроде как прошу помочь, но словами не говорю. Он прямо взлетел в кузов, корзину взял из рук, переставил её на землю, и мне руку протянул, хотел помочь. Но я сама соскочила. Вот и всё. Сказала спасибо. Вот и всё. Ну, и пошли. Правда, я почему-то оглянулась. Он стоит, смотрит. И всё.

— Заметил, значит. “Оглянулась — помутился белый свет”. Для неё, это в песне. А в твоём случае для него помутился. Для него. То есть унесла ты его сердце в корзине. Грибы-то потяжелей цветов.

— Да, сошлось, — мама замолкла.

Вспомнилось мне это, и почему-то ещё вспомнилась песня уже недавних лет, вроде с юмором, там такие слова: “Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я”. И её шутовскую переделку о весенних работах на дачных участках и огородах, когда люди дружно, натасковавшись за зиму по земле, нагибаются над грядками и клумбами и до боли в суставах и мышцах внаклонку сажают, пропальывают, окучивают, поливают цветы и овощи. “Я разогнулся посмотреть, не разогнулась ли она, чтоб посмотреть, не разогнулся ли я”.

В первой редакции речь о начале чувства, во второй это забота о любимом человеке.

Вот куда вывел меня лейтенант молодой со своим взглядом, полным огня. Бедная Анюта. А может, счастливая.

Мама сказала, что я в папу. А я как жену свою увидел? Я же влюбчивым был. Но это очень понятно: стихи вовсю писал, а какие стихи, если поэт не влюбляется? И в школе, и до армии, и после армии, и на первом курсе нашего вуза, в котором все коридоры и аудитории были заполнены красавицами невестами, вуз-то педагогический, а факультет филологический. Попробуй тут не дрогнуть. В начале второго курса нас послали в колхоз. А я почему-то не сразу поехал, а прибыл позднее. Это на берегу Оки, недалеко от Поленова. Мы с ребятами сидели под берёзами, а Надя как раз прошла мимо. Я встрепенулся весь. “А кто это? — Да это новенькая, она с вечернего отделения к нам перешла”. Вот и всё. Увидел. Именно её увидел. И все прежние влюблённости осыпались ей под ноги. И всю жизнь славлю Бога за такую милость Его, давшего мне супругу умную, красивую, добрую, венчанную. И прожили мы с ней уже на две пятёрочки, уже пятьдесят пять лет.

О, есть что-то в нас, живущее помимо нашего сознания. Это сердце. Голова его иногда не слушает. А зря. Хорошо, что я его послушался. Помню этот момент: берёзы, река, тропинка, и по ней идёт моя будущая жена. И моё сердце говорит: это она.